

雪山上的达娃

ДАВА В ЗАСНЕЖЕННЫХ ГОРАХ

Цю Шаньшань

裘山山

Цю Шаньшань

Дава в заснеженных горах

Международная издательская компания «Шанс»

2019

УДК 82-93(510)
ББК 84(5Кит)-44

Шаньшань Ц.

Дава в заснеженных горах / Ц. Шаньшань — Международная издательская компания «Шанс», 2019

ISBN 978-5-907584-58-7

Высоко в тибетских горах, где лютые морозы и яростные ветра губят все живое, расположилась пограничная застава. С приходом осени молодые пограничники на целых полгода окажутся отрезаны от внешнего мира суровыми погодными условиями. Все они думают, что дни службы в изоляции будут полны скуки и однообразия, пока солдат Хуан Юэлян не приносит из города маленького щенка. Общим решением ему дали кличку Дава – в переводе с тибетского это значит «луна», такая же золотая, как шерстка у их нового друга. Малыш наделен неисчерпаемой энергией, любопытством и преданностью, и со временем превращается из неуклюжего щенка в надежного друга и верного помощника обитателей заставы. Для широкого круга читателей.

УДК 82-93(510)
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-907584-58-7

© Шаньшань Ц., 2019
© Международная издательская компания «Шанс», 2019

Содержание

Как я потерялся	6
Хуан Юэлян встречает Даву в Ядуне	11
Снежная застава	17
Жизнь на заставе Годунла	23
Знакомство со старшими	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Цю Шаньшань Дава в заснеженных горах

#####

© Цю Шаньшань #####2019

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», перевод, оформление, 2022

© ООО «Издательство «Завтра», 2022

Все права защищены

Как я потерялся

Где же мой дом?

Я – на шумной, многолюдной улице. У меня кружится голова и слабеет тело. Я верчу головой то влево, то вправо и не знаю, куда идти. Бодрый настрой, с которым я выбегал из дома, улетучился, осталась только растерянность. Если выбежал я только что, почему же теперь не могу понять, где я?

Мама точно решит, что я сбежал. Но это неправда – я всего лишь хотел спрятаться так, чтобы она не нашла, чтобы запереживала и стала повсюду меня искать. И вот я добрался до входных ворот, увидел, что они открыты, и, вытянув шею, выглянул наружу. Ого, как много людей на улице, как тут шумно! Мне всегда говорили, что выходить из дома нельзя, но в этот миг никого рядом не было, и я выбрался за порог.

Я оказался на улице впервые. Ничем не ограниченные просторы привели меня в такой восторг, что я не удержался и перекувырнулся через голову. Затем огляделся и почувал какой-то запах. Благовонные свечи так не пахнут, часуйма¹ тоже. Может, вяленая говядина? Или цампа²? Глотая слюнки, я помчался на поиски того, что так соблазнительно пахло.

---

¹ Часуйма – традиционный тибетский напиток. Чай заваривается с добавлением молока, масла яка и соли. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

И так очутился неведомо где. Когда, на какой развилке свернул – не вспомнить уже, хоть убей.

Когда я понял, что нахожусь неизвестно где, все мои четыре лапы подкосились, и я чуть не рухнул на землю. В конце концов, я всего лишь щенок, которого мама еще ни разу не выгуливала! Моя прежняя жизнь была размером с хозяйский дворик, а теперь я вырвался в большой мир – город. Пускай он и небольшой, но все же опутан сетью улиц и переулков, подъемов и спусков, изгибов и поворотов... Такой мир казался мне страшно сложным и запутанным.

О, как я жалел, что нельзя отменить все, что я натворил, что нельзя прожить тот самый, решающий момент заново! Если бы я мог прожить его заново, то уж сегодня утром, пока мама ласково приглаживала сестренке шерсть, ни за что не стал бы вертеться рядом! А если бы и стал, то и не подумал бы убежать от маминой брани. А коли бы и убежал, то недалеко – и просто лежал бы себе у порога, морда на лапах, и с обиженным видом ждал, когда же мама придет со мной понянчиться.

Я же со злости взял да и сделал лужу на хозяйском ковре. Хозяйка пришла в ярость и тут же стала, бранясь, припоминать мне все-все проступки, которые я натворил с рождения: погрыз три пары обуви, диванную подушку и провод от утюга, а еще вцепился в скатерть на столе и дернул так, что разбил две чашки... Я понял, что она разошлась не на шутку, и спрятался во дворе, а потом выскочил за ворота, выбрался на улицу – ну и потерялся.

Что же теперь делать?

Меня зовут Дава. На тибетском языке это значит «луна». Пять месяцев назад мы с сестренкой родились на Тибете, в уездном городке Ядун, и хозяйка дала нам имена: меня назвала Дава, а сестренку – Нима. Нима по-тибетски – «солнце». Наш Ядун – это маленький городок на самой окраине Тибета. Он построен вдоль реки и, если смотреть сверху, напоминает зеленую долину, зажатую меж заснеженных гор. Часто наш городишко так и называют – долина Ядун.

Долина очень красивая, особенно осенью, когда пурпурная, золотистая и буро-зеленая листва пестреет под солнечными лучами, будто празднует карнавал. Река Ядун течет лениво и сверкает по-особому, как драгоценный камень, завораживая своим сиянием. На ее глади пляшут под ветром разноцветные флажки, а уже над ними – лишь кристальнобелые снежные горы да лазурное небо. «Настоящий рай света и цвета!» – восхищаются любители фотографии.

С началом долгих праздников в честь дня основания КНР³ сюда съезжаются туристы со всех уголков Китая. Вооруженные аппаратурой всех мастей, они беспрестанно щурятся и щелкают камерами и мобильниками. Не упуская, разумеется, и шанса покрасоваться в разных позах на фоне великолепных пейзажей, чтобы запечатлеть эти воспоминания навсегда. Помимо туристов, прибывает и поток торговцев из других районов Тибета: все спешат закупить или отправить товары до наступления зимы. Испокон веков здесь велась бурная торговля. В общем, на улицах яблоку негде упасть: люди толкаются, наступают друг другу на пятки, – и эта толпа все плывет и плывет неспешным потоком, переливаясь всеми цветами радуги...

Под ногами прохожих, снующих туда-сюда, я растерялся так, будто внезапно угодил в дремучие джунгли. Вокруг – ничего знакомого. Где мой дом? Где хозяйка? Где мама?

Как выглядела чудесная улочка перед нашим домом, я, конечно, помнил: вдоль деревянных домишек с разноцветными окнами и дверями тянутся горы хвороста. В нашем дворике растут яблочные и грушевые деревья, и деревянный забор весь увит ползучими розами...

Да только дворики с таким же описанием в Ядуне пруд пруди!

---

² Цампа – традиционное тибетское блюдо из ячменной муки, обжаренной в масле.

³ День образования Китайской Народной Республики – это главный государственный праздник Китая, который начинается 1 октября и отмечается целую неделю. – *Примеч. ред.*

Сбитый с толку, я ненароком пролез в чайную. Все потому, что фасад этой чайной почти не отличался от лавки моей хозяйки. Только вот моя хозяйка торгует коврами, внутри наша лавка от пола до потолка увешана коврами из яркой и пестрой овечьей шерсти.

В чайной было людно. Все пили и разговаривали. Вот и моя хозяйка тоже частенько, скрестив ноги, садится на кровать и пьет чай с сахаром или часуйма. А порой даже пускает меня к себе и разрешает полежать рядом. Так что запах масляно-сладкого чая мне знаком хорошо...

Пробравшись внутрь, я залез под стол и принялся озираться по сторонам, надеясь увидеть ноги моей хозяйки. Уж их-то я сразу узнал бы!

Но хозяйки здесь не было. Перед глазами теснились чужие сапоги, кроссовки, прогулочные тапочки и даже шлепанцы. Юбки и джинсы пахли чем-то совершенно чужим. Я тянул носом по сторонам, но ничего родного и знакомого унюхать не получалось.

Вдруг в мою сторону направился огромный черный пес. Верзила, раза в четыре крупнее меня, но главное – с таким угрожающим взглядом, будто говорил: «А ты еще кто?! Откуда приполз, червяк? Зачем явился в мой дом?! Это моя территория!»

Дрожа от испуга, я попятился назад, пока не уперся во что-то. Это оказался чей-то громадный холщовый рюкзак. У моей хозяйки был такой же: она складывала в него ковры. Отступить было некуда. Из последних сил оттолкнувшись, я запрыгнул на этот рюкзак, но он оказался распахнут, и я с жалобным твяканьем провалился внутрь. Рюкзак оказался набит чем-то мягким, пушистым – уж не знаю, чем, – и я нырнул в этот пух с ГОЛОВОЙ.

Трогать вещи клиентов пес-верзила не смел – видимо, запрещал хозяин. И он решил хотя бы облаять мое укрытие погромче.

– Фу, Черныш! Тихо! – прикрикнул владелец чайной.

Но Черныш не унимался: уж очень хотел сообщить хозяину, что вычислил чужака! Но хозяин был слишком занят. Он отругал пса и, видимо, отогнал его в сторону. Но я был уверен: даже издалека тот наверняка уставился на рюкзак и ждет, когда я появлюсь. Боясь шелохнуться, я надеялся лишь на то, что ему надоест ждать и он уйдет. Испуганный и уставший, я затих в рюкзаке и не заметил, как скоро уснул.

Во сне я снова был рядом с мамой. Она вылизывала мне лоб, приговаривая: «Ну зачем же ты ушел из дома? Ты даже не представляешь, как мама волновалась, что не может тебя найти! Ах ты, непослушный щеночек!» Я отвечал: «Ты любишь сестренку Ниму, а меня – нет, Нима все время лежит у тебя на груди...» Мама отвечала: «Милый мой Дава, как же мама может тебя не любить? Просто Нима родилась хилой и слабенькой, и приходится больше о ней заботиться. Ты же старшенький и с рождения был здоровее, тебе самому следует помогать маме!» Мне стало стыдно, и я зарыл голову в мамин живот: «Прости меня! Я больше не убегу, буду всегда рядом, чтобы помогать растить сестренку». Как тепло у мамы в объятиях...

И вдруг я проснулся. Меня окружала кромешная тьма. Мамы не было.

Эй! А почему меня так странно качает, так, что я даже проснулся? И голова кружится. Точно! Человек закинул на спину рюкзак, вышел из чайной и отправился в путь, не ведая, что несет с собой маленького щенка. Куда же он направляется? Еще дальше от моего дома?

В темноте рюкзака я залился слезами. От горького раскаяния у меня чуть не отвалился нос.

Хозяйка часто приговаривала, мол, сожалею о содеянном аж до посинения кишок. Это значило, что ей стыдно просто-таки до смерти, ведь кишки синеют только у покойников. Но собакам это выражение не подходит. Мы в таких случаях думаем: «Каюсь так, что нос отваливается». Ведь нос – наше оружие, отвалится – пиши пропало...

Вдруг я услышал, как кто-то сказал:

– Холодает... Надо бы свитер достать!

Голос был женским. Рюкзак опустили на землю, открыли. Солнечный свет ослепил меня, и я долго не мог разлепить веки. Но тут чья-то огромная рука схватила меня за шкурку и выудила наружу.

– Эй, смотри-ка, что у меня здесь! – сказал парень.

– Ой! Щеночек? Какая прелесть! – заверещала девушка, прижимая меня к груди. – Такой миленький! Откуда он в твоём рюкзаке?

– Без понятия! Малыш, ты как сюда забрался?

Мне очень хотелось сказать им: «Я потерялся, скорее верните меня домой!» Но я не умел говорить и только отчаянно лизал им руки: ему, потом ей, потом опять ему – и жалобно скулил.

Девушка растрогалась:

– Жалко бедняжку! Давай заберем его домой?

– Не выйдет! – отрезал парень. – Мы же на самолете летим. Там потребуют документы на собаку и справку о прививке. Так что взять его мы не сможем.

– Что же с ним делать? – спросила она.

– На бродячего не похож: чистый, ухоженный. Оставим на улице! Может, его уже хозяева ищут? Вот и найдут...

Девушка рассердилась:

– Тебе легко говорить! Он же совсем малыш! А если его машина собьет? Или волкодавы загрызут? Или он в канаву свалится?

У девушки было золотое сердце. Я смотрел на нее с надеждой и ждал, когда же она предложит вернуть меня домой, но она сказала:

– Давай отнесем его обратно в чайную.

А-а-ай, да что же такое! Я живу не в чайной! И там как раз огромный черный волкодав, я туда не хочу! Нет!

Но они и правда принесли меня в чайную, где недавно сидели.

– Это ваш щеночек? – спросила девушка, жалобно глядя на хозяина.

Хозяин чайной покосился на меня и замахал рукой: «Марэй, марэй». На тибетском это значило: «Нет, нет». Потом он добавил, уже по-китайски:

– Щенок не отсюда. Я такого не видел ни разу.

Парень с девушкой вздохнули и унесли меня. По дороге они обращались к лавочникам, заглядывали в жилые дома и спрашивали у детишек на улице, но все махали рукой: «Марэй, марэй». Конечно, откуда им меня знать, если я до сих пор не выходил из дома?

И что же теперь делать?

Они снова вернулись в чайную, откуда меня унесли. И тут я услышал, как девушка воскликнула:

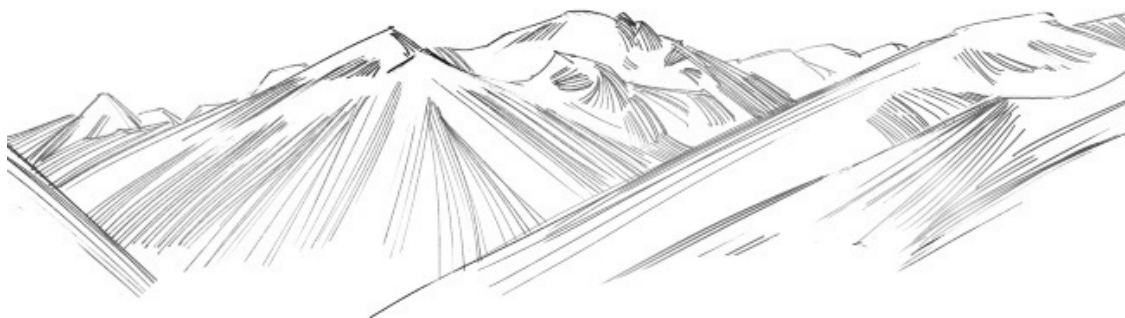
– Смотри, это же старший брат-солдат, отдадим ему!

Старший брат-солдат? Это еще кто? И зачем меня ему отдавать?

Но они не стали со мной советоваться и подошли к человеку в военной форме.

С тех пор моя жизнь изменилась навсегда.

Хуан Юэлян встречает Даву в Ядуэ

Шел третий день праздников в честь образования КНР. Хуан Юэлян со стариной Сун доверили роль гонцов – они отправились в город закупить что нужно для заставы, а заодно и помочь сослуживцам: кому отправить письмо, кому что купить в магазине, кому пополнить телефонный счет и так далее. Список поручений занимал целую страницу, так что в путь они выдвинулись еще до рассвета.

Когда все было выполнено, Хуан Юэлян и старина Сун скромно пообедали и разделились. Старина Сун пошел в интернет-кафе звонить жене и детям по видеосвязи. Его младшему было всего три года, и старина Сун ужасно скучал. Юэлян же направился в книжный магазин: осень кончалась, и перед долгой зимовкой стоило запастись «пищей для ума». Они договорились встретиться в три, чтобы вместе выдвинуться обратно.

На улице было людно. Хотя большинство народа, похоже, составляли приезжие. Приезжать сюда теперь стало удобно: прямым рейсом из Чэнду долетаешь до Шигадзе и уже оттуда – на автобусе – до Ядуэ. Вся дорога занимает часов семь-восемь. Раньше от Чэнду до Ядуэ добирались несколько дней, а если начинался снегопад, дорогу перекрывали, и поездка растягивалась на неделю с лишним. Сам Юэлян так никогда не ездил, но знал об этом по рассказам матери. Раз в год она уезжала в деревню навестить родителей, и добрая половина отпуска уходила на дорогу туда-обратно. Так было в те времена, когда Юэлян еще не появился на свет.

Шигадзе – крупный тибетский город. Оттуда начинается маршрут на Эверест – самую вершину мира, – и потому в Шигадзе приезжает множество любителей приключений. Когда Юэлян вступил в армию, они проезжали Шигадзе, но останавливаться не стали: машины довели их напрямиком до Ядуэ.

Этот городок Юэлян полюбил, как только там очутился. Он и не подозревал, что в Тибете встречаются настолько живописные места: раньше ему казалось, будто там – сплошь ледяные вершины без единой живой души. И хотя Ядуэ располагался не очень высоко, сам пейзаж, конечно, поражал своей красотой: именно там, в кольце обледеневших гор, и раскинулась их застава.

Впрочем, Юэлян здесь нравилось не только из-за пейзажей. Красивой природы везде хватает, но здесь... причин находилось много. Главная – этот город стоял у самой границы. Нести дозор на рубежах родины он мечтал с тех пор, как стал солдатом. Когда же начальник гарнизона рассказал об истории Ядуэ, гордость охватила юношу с новой силой.

– Ядуэ не только жемчужина приграничного края, но и очень важный стратегический пункт. Было бы легкомысленно ценить его только за красоту пейзажа; нужно перенестись во времени и разглядеть его славное прошлое, покрытое пороховой пылью. За право контролировать Ядуэ испокон веков сражались целые армии! – рассказывал начальник.

– Как? Здесь сражались? – удивился Юэлян.

– Да, и не раз! – кивнул начальник. – Взгляни на карту: Ядун – это ворота из Китая в Бутан, в Индию и к Бенгальскому заливу. Городок находится в уникальном месте, во все времена он много значил для всех. Британцы нападали на Тибет дважды, последнее нападение вылилось в особенно жестокие битвы. В декабре 1903 года британские солдаты, прорвавшись через снега и льды, тайно пересекли китайскую границу через перевал Нату-Ла, проникли в ущелье Ядун. В апреле они дошли до Гьянгдзе и окружили город всеми своими пушками и винтовками. Мы помним те дни как знаменитую оборону Гьянгдзе от Великобритании. Она продолжалась около ста дней – с апреля по июль – и стала самым масштабным, самым страшным и самым мужественным сражением против иностранных захватчиков за весь период новой истории Тибета. Тибетский гарнизон сражался до последнего, но, когда иссякли все запасы провизии, все до единого солдаты спрыгнули со скалы и погибли героями. После падения Гьянгдзе британские солдаты стали быстро продвигаться вперед. Столица Тибета оказалась в огне, мародеры разграбили реликвии и религиозные книги. Только в 1954 году правительство Индии подписало с Китаем соглашение: в нем Индия отказывалась от всех прав на тибетские территории, которые достались ей от Великобритании по наследству.

От рассказа начальника гарнизона у Юэляна застучало в висках и сильнее забилося сердце. В голове не укладывалось, что этот чудесный приграничный городок когда-то утопал в дыму войны, что эту благодатную землю топтали сапоги захватчиков. И все-таки наряду с гневом он испытывал гордость за то, что ему посчастливилось служить в таком героическом и столь важном для родины погранпункте.

Хуан Юэлян вдруг вспомнил отца. Теперь понятно, почему тот никогда не жаловался на пережитые в прошлом невзгоды. Несомненно, отец тоже знал историю этого рубежа и прекрасно осознавал, как важно его охранять. Когда Юэлян вернется домой, то непременно расскажет все это матери, чтобы она поняла наконец и отца, и его самого.

Еще совсем недавно Юэлян служил в отряде полковых связистов и, хотя тоже нес дозор, в военных действиях не участвовал. Он жаждал большего: его тянуло именно на передовую – испытать то, что когда-то чувствовал отец. Тогда он подал руководству заявление, которое вскоре одобрили. В первые же дни весны он перебрался на заставу Годунла – в местечко неподалеку оттого, где когда-то служил его отец.

И вот теперь он бродил по залам книжного в поисках нужных книг. Писать сочинения он любил еще в старшей школе, но, оказавшись в армии, все острее чувствовал, что плохо выражает свои мысли. И теперь решил, что было бы полезно погрузиться в книги сразу нескольких авторов, чтобы поучиться у них искусству письма.

Стоял у них на заставе и книжный шкаф, но книг там хранилось совсем немного, и все были очень старые. Их страницы, давно отсыревшие и вновь пересохшие, крошились, как передержанные над жаровней коржи, а подборка авторов и произведений давно уже требовала обновления.

«Толстых книг не покупай, – настаивал старина Сун. – Все равно не дочитаешь, как ни старайся. В горах мало кислорода – голова кружится с утра до вечера, да и других дел по горло».

В итоге Юэлян подобрал себе несколько сборников прозы и поэзии, пару военных песенников да с дюжину комиксов: и китайских, и зарубежных. Потом остановился перед стеллажом со школьными пособиями для подготовки к выпускным экзаменам и, поколебавшись, выбрал еще несколько книг. Юэлян решил, что, пожалуй, в свободное время можно и повторять уже пройденное, а после службы поступить в университет. В конце концов, и мама, и учитель Суй так этого ждут! Учитель Суй вел в их школе китайский язык и был его классным руководителем в старших классах, к Юэляну он относился с большой симпатией. Когда мальчик заявил, что после школы собирается в армию, учитель поразился: с такой успеваемостью, может, Хуан Юэлян и не пробился бы в лучшие вузы столицы, но для обычного университета

был подкован очень даже неплохо! Но Юэлян упорствовал: нет, мол, сперва отслужу, а уж потом попробую поступать. Ведь для этого нужно сперва «закалиться физически»!

Хотя, конечно, была на то и другая причина, о которой он не рассказывал никому.

– Ладно, закаляйся, пока молодой... – вздохнул учитель. – Но потом – непременно в университет, уж поверь мне!

И тут Юэлян не спорил.

Расплатившись за книги, он взглянул на часы. Полтретьего – до встречи со стариной Суном еще полчаса. Он достал телефон, проверил историю звонков. Пусто. В последнее время ему никто не звонил даже из дома. Неужели мама, узнав о его решении перевестись на заставу, разозлилась? Всю его затею с армией она и так не одобряла, но теперь...

«Ладно, тогда посмотрю, что нового у друзей», – решил он и начал листать ленту в соц-сети, но ничего интересного не увидел. Все, что творилось в жизни его знакомых, вдруг стало таким далеким, словно происходило на другой планете. На эти же праздники многие из бывших одноклассников разъехались в путешествия, кто куда – лента пестрела пейзажами со всего света. Но вскоре он пришел к выводу, что ни один из этих пейзажей все-таки не сравнится с красотами Тибета. Здесь у него было все: заснеженные горы, ледяные вершины, полноводные реки, ущелья, леса, пустыни, болота... Ни одна из их фотографий не шла ни в какое сравнение с окружающим его изобилием.

В какой-то момент он и сам захотел выложить пару-тройку снимков тибетских вершин, но не знал, что про них написать. Напишешь много – сочтут разглашением тайны, ничего не напишешь – не поймут...

Странное дело: в дозоре он днем и ночью мечтал выйти в интернет, а теперь, когда сеть наконец появилась, потерял к ней всякий интерес. Может, если оставаться без доступа к интернету подольше, зависимость пропадает? Без особых эмоций он лайкнул несколько постов от друзей и закрыл приложение.

И тут его окликнули.

Перед ним стояли парень и девушка. У каждого – по рюкзаку за спиной. Сразу видно – туристы из каких-то дальних районов Китая. Они называли его «старший брат-солдат». Занятно. Юэляну только-только исполнилось девятнадцать, он вряд ли был старше их. Очевидно, они относились к «братьям-солдатам» с большим уважением.

– Старший брат-солдат, здравствуй. Ты не мог бы нам помочь? – спросила девушка.

Юэлян оглядел их внимательнее и заметил, что она прижимает к груди щенка. Парочка наперебой принялась рассказывать, что случилось.

– Щенок совсем маленький! Оставлять его на улице опасно. Только и остается, что просить помощи у тебя. Кому же доверять, как не освободительной армии? – улыбнулась девушка.

Поколебавшись, Хуан Юэлян взял щенка на руки. Уж очень милый: золотистый, с мягкой пушистой шерстью и огромными, как виноградины, блестящими глазами. Попав к солдату в руки, песик прижался к его груди, как младенец к матери, и сердце Юэляна мгновенно растаяло.

– На горной заставе жизнь не сахар: высота четыре с половиной тысячи метров – очень холодно. Уж не знаю, выдержит ли этот проказник... – Юэлян все еще сомневался. У его сомнений была серьезная причина: старина Сун, если узнает, уж точно будет против собаки.

– Да он же родился в горах! Наверняка привыкнет, – заявил парень.

– Главное – любить его. Остальное не важно! – добавила девушка.

Довольно долго Юэлян молчал, а они все повторяли, как глубоко верят в освободительную армию. И наконец он сказал единственно возможное:

– Ладно. Если вам пора уезжать, я его заберу.

– Вот и отлично! – просияла девушка. – Я сразу поняла: у тебя доброе сердце! Цзиньчжумами ягуду!

Юэлян знал, что по-тибетски это значит «слава солдатам-освободителям!», и от смущения покраснел.

Парочка тут же добавила Юэляна к себе в «ВиЧат»⁴, пофотографировала щенка, к которому уже успела привязаться, и наконец отправилась в путь. Провожая их взглядом, Юэлян подумал, что характер у этих ребят наверняка такой же решительный, как их твердая поступь.

Опустив голову, он потрепал щенка по загривку:

– Ну что, приятель? Поедем ко мне на заставу?

Щенок молча лизнул его руку. Сообразив, что к чему, Юэлян открыл рюкзак, вынул хлеб, отщипнул кусок и протянул щенку, но тот отвернулся. Тогда Юэлян достал пакет молока и плеснул немного себе в ладонь. Щенок вылизал все начисто. Он налил снова, щенок вылизал все опять. Так ушла почти половина пакета. «Так-так... – отметил про себя Юэлян. – Аппетит-то у нас будь здоров!»

Когда он добрался до места встречи, старина Сун уже ждал его. Без лишних слов они выдвинулись к вокзалу, но не прошли и пары шагов, как старина Сун спросил:

– Эй, братишка Хуан! Что это с тобой?

– Н-ничего... – отозвался Юэлян.

– А почему мне кажется, что ты как-то странно шагаешь?

– Нормально шагаю... – смущенно пробубнил Юэлян.

Старина Сун посмотрел на него в упор, и Юэлян поспешно отвел глаза.

Но тут у него из-за пазухи послышалось тихое повизгивание.

– Ладно! – не выдержал Юэлян. – Это щенок, он потерялся. Парочка туристов отдала его мне, чтобы я за ним присматривал.

Старина Сун уставился на него:

– У нас на заставе и так три собаки. Этого что, для тебя мало?

– Но он такой маленький, жалко беднягу... – шепотом отозвался Юэлян.

– Вот именно, что маленький! Куда мы его возьмем? На заставе холодно! Да и вообще!

Тогда Юэлян громко объявил:

– Его отдали мне, потому что я солдат освободительной армии. Я не могу не оправдать надежды людей.

Старина Сун не нашел, что ответить.

Они сели в автобус. Юэлян снял рюкзак и поставил себе на колени, чтобы щенок мог высунуть морду. Распахнув свои милые глазенки, тот смотрел то на Юэляна, то на старину Суна. Старина Сун потрепал его по голове:

– В горах холодно. Уж не знаю, выдержит ли этот проказник.

– Думаю, справится. Я сам позабочусь о нем, чтобы не добавлять никому хлопот.

Юэлян заглянул в послушные щенячьи глаза и подумал: «А вдруг он явился не просто так, а чтобы помочь мне пережить эту зиму?»

Автобус некоторое время ехал вдоль реки, потом свернул с берега и стал подниматься в горы. Склоны покрывала пышная зелень. Дорога круто повернула и стала похожа на змею, обвивающую гору вокруг пояса. Они быстро набирали высоту. Подъем оказался крутой: целых полтора километра в высоту – настоящее скалолазание. Путь был коротким, километров двадцать или тридцать, но разница в высоте – колоссальная.

Старина Сун вдруг спросил:

– Братишка Хуан, скажи честно, не жалеешь, что оказался у нас на заставе?

– Почему я должен жалеть?

---

⁴ WeChat – китайская мобильная соцсеть. – *Примеч. ред.*

– За год на заставе жить надоест сильнее, чем за целых три в отряде связистов в Ядуне. Особенно утомляет уединение. Ладно мне, самому старшему на заставе и потому привыкшему, уже все равно, но ты ведь совсем мальчишка...

– Я привыкну, – ответил Юэлян. – Все равно у связистов тоже не разрешают сидеть в интернете.

– Ты просто еще ни разу не зимовал на заставе, – сказал старина Сун. – Это тяжело до смерти. Лишь переживший зиму может называться тибетским солдатом, только ему известно, почем фунт лиха. Скажу тебе так: ты точно еще пожалеешь!

– Янисколько не пожалею, – отозвался Юэлян. И помолчав, добавил: – В жизни как в шахматах. Если ход сделан, жалеть уже нельзя!

Старина Сун хмыкнул и ничего не ответил.

Юэлян знал, что на высокогорной заставе тяжелые условия, причем их Годунла – еще не худший вариант. Но как бы ни было сложно, если другие справляются, справится и он. «Как солдат Народной освободительной армии я мечтаю на собственном опыте осознать, что такое охранять границы родной страны на пограничной заставе. Я не боюсь ни испытаний, ни усталости», – так Юэлян написал в своем заявлении о переводе. Правда, кое о чем писать все-таки не стал: он хотел знать, в каких условиях служил отец, через какие испытания прошел. Юэлян давно сказал себе: «Если отец выдержал, то и я смогу».

Какое-то время они ехали в тишине, а потом Юэлян поинтересовался:

– Так почему же ты сам до сих пор не уехал?

– А что я? – ответил старина Сун. – Вот должен был уехать в этом году, да начальство велело остаться еще на годик, помочь новому взводному, так что придется мне и эту зиму здесь с ребятами тосковать...

Юэлян отлично знал эти слова. Отец в своих письмах сетовал на то же самое...

Солдаты молча уставились за окно на все больше пустеющие горы. Пышная зелень потихоньку пропала: автобус поднялся выше снеговой границы. Попадались только низкие кусты на обочине. За окном все было покрыто, устлано, занесено снегом, мороз сливался с морозом и порождал этот суровый ледяной мир. Ширины дороги едва хватало на одну машину. Еще чуть вверх, и пропали даже кустарники – остался лишь безбрежный океан снега.

Уже по тому, как старина Сун произнес «тосковать», было ясно: жизнь тут невеселая. Но Юэлян утешал себя: «Отец в те годы жил в куда худших условиях и как-то перетосковал. Значит, перетоскую и я!»

Снежная застава

Сегодня я прямо-таки сросся с рюкзаком: он стал моей переносной конурой.

Я поселился в рюкзаке солдата и уже с ним оказался в автобусе. Мне было слышно, как они разговаривают и постоянно повторяют слово «застава». Я не знал, что оно означает. Я не понимал, куда меня везут, но держаться рядом с солдатом было надежнее, чем бесцельно скитаться по свету. Мама говорила: «Если что-нибудь случится, не стоит паниковать. Нужно принять это как данность и искать выход». Так что я сперва пойду с ними, а как выпадет возможность – вернусь в Ядун и найду маму.

Но автобус поднимался все выше в горы. Вскоре за окнами уже не осталось никаких деревьев, но мы все равно продолжали ехать. Куда? На край света, что ли?

Так продолжалось очень долго. Наконец автобус остановился и я услышал чей-то голос:

– Служивые, вам тут выходить! Не обессудьте, ближе подбросить не смогу...

– Ничего, все в порядке! Выйдем здесь, – отозвались солдаты, вышли из автобуса и сказали: – Туцзици!

А водитель ответил:

– Цзиньчжумами, чжасидэлэ!

«Туцзици» по-тибетски значило «спасибо», а «чжасидэлэ» – «всего вам доброго». Я целыми днями слушал, как хозяйка говорила покупателям своих ковров «туцзици» да «чжасидэлэ». Но что такое «цзинь-чжумами»? Этого я не знал.

Послышался грохот: автобус уехал. Я высунулся из рюкзака. Почему все так изменилось? Со всех сторон нас окружали сплошные горы: ни деревца, ни цветочка, ни речки. В морду мне ударил ледяной ветер, он был жесткий, как проволочная щетка, и от его порывов шерсть вставала дыбом. Я невольно задрожал и прищурился.

Зачем солдаты вышли именно здесь? Тут нет никаких домов, голые склоны покрыты лишь крупными валунами и каменной крошкой, из щелей пробивается терновник. Мы же замерзнем до смерти!

Молодой солдат посадил меня на рюкзак и сделал несколько снимков на фоне гор. Затем потыкал пальцем в телефон и набубнил сообщение:

– Тут пока еще ловит, выше связи уже не будет! Скину вам пару кадров, а потом уже отнесу щенка на заставу. Наша заставка называется Годунла, она вот на этой горе, на высоте четыре с половиной тысячи метров. «Ла» значит «горный перевал», а «Годунла» – «гора Годун». Красиво, да? Чжасидэлэ!

Солдат постарше поторопил его:

– Братишка Хуан, пойдем скорее!

Молодой солдат продолжал смотреть в телефон. Он дождался, пока сообщение отправится, положил меня в рюкзак, закинул его на спину и пошел наверх.

Значит, того, кто меня несет, зовут братишка Хуан? Хорошее имя!

Солдаты шли молча. Очень скоро у них сбилось дыхание. Конечно, они утомились: мало того, что тащат огромные рюкзаки, так еще и в гору карабкаются. Кроме того, чем больше высота, тем быстрее устаешь от ходьбы. Я хотел попросить его поставить меня на землю, чтобы я шел сам и ему стало полегче, но не знал, как это сделать. У меня все сильнее кружилась голова и не оставалось сил подать голос.

Братишка Хуан тащил меня довольно долго. Вдруг я услышал чей-то крик:

– Вернулись! Старина Сун и Юэлян вернулись из города!

Кричал не один человек, кажется, их было несколько. У меня от сердца отлегло: значит, здесь живут люди, а если так – непременно найдется, где жить и чем питаться? Голоса приближались, прерываемые тяжелым дыханием. Нас окружили смех и приветливый гомон. Сквозь головокружение мне послышался собачий лай. Да нет, не может быть!

Наконец-то потеплело и перестало трясти. Похоже, этот братишка Хуан принес меня в дом. Я облегченно выдохнул: очень уж хотелось хорошенько поесть, попить и поспать...

Нас окружила целая толпа, люди кричали что-то наперебой, как школьники, что сгрудились вокруг учителя перед поездкой всем классом на экскурсию. Кто-то, похоже, даже нетерпеливо стягивал с братишки Хуана рюкзак. Старина Сун распорядился:

– А ну-ка успокойтесь! Дайте хоть глоток воды сделать.

Братишка Хуан перевесил рюкзак со спины себе на грудь и похлопал по нему:

– Угадайте, что за сокровище я сегодня принес?

– Что же ты мог принести? – отозвался кто-то. – Книжки, небось? Братишка Хуан гоготнул, открыл рюкзак и вытащил меня наружу.

Я вытаращил глаза: наконец-то можно разглядеть, кто тут находится. Да здесь же одни солдаты! Совсем юные, все в одинаковой форме. При виде меня их лица вытянулись с одним и тем же выражением: «Вот это сюрприз!»

– Какой маленький щеночек!

– Где ты его достал?

– Это что за порода?

– Как звать его? Сколько ему? Парень или девка?

И только солдат-тибетец ничуть не удивился:

– Ой, да это же просто маленький ци, что тут такого? Как будто для нашего взвода впервой.

«Ци» по-тибетски «собака», это я понимал.

Солдаты тискали меня по очереди, передавая из рук в руки. Я с удивлением обнаружил, что от каждого пахло тем, что мне очень нравилось: собаками. Видимо, нам, собакам, они были хорошими друзьями. Отлично, значит, я оказался среди своих.

– Это, должно быть, бульдог. Взгляните на его вздернутый нос! – пытался угадать кто-то.
– Да нет, по-моему, похож на лабратора: у него уши, как два лопуха, – возражали ему.
– А я думаю, ретривер, золотистый ретривер, выглядит таким же послушным.
– Говорю вам, это дворняга, – авторитетно заявил тибетец. – В нашей деревне все ци – дворняжки.

Дворняжка? А, он имеет в виду, что я не чистокровный. Вообще-то, есть выражение: «Героев о родословной не спрашивают». Почему вас так интересует моя порода? В конце концов, я отличная собака, просто превосходная. Мама говорила, что я и здоровый, и умный, и смелый, и добрый. А еще она говорила, что я вырасту выдающимся псом. До какого возраста нужно вырасти? Этого я не знал и не успел спросить перед тем, как потерялся. В общем, погодите у меня! Рано или поздно я вам покажу, какой я молодец.

Но пока что я был всего лишь замученной, обессиленной собакой, которой страшно хотелось спать. Но солдаты всё стояли кружком и изучали меня с ног до головы. И с этим я ничего поделать не мог – оставалось лишь недовольно поскуливать себе под нос.

Подошел низкорослый солдат, взглянул на меня и с недоброй улыбкой заявил:

– Я вот что думаю. Давайте-ка назовем его «Хуан-младший» – Сяо-Хуан. «Хуан» значит «золотой», в точности как его шерсть. К тому же именно Хуан Юэлян принес его к нам. Эй, Юэлян, в следующий раз, когда я кликну Хуана, посмотрим, кто из вас двоих прибежит быстрее.

Послышались смешки. Явно недовольный братишка Хуан бросил на солдата взгляд, но ничего не ответил. Тибетец вставил:

– А мне кажется, лучше назвать Давой. Это имя значит то же, что и имя Юэяна, а звучит иначе. Дава – луна. Луна – Дава. Юэлян, что думаешь?

Братишка Хуан тут же отозвался:

– Дава? Отлично, это подходит!

Как же я обрадовался! Тибетец отнесся ко мне с такой заботой, что угадал мое настоящее имя. Ведь хозяйка так и назвала меня – Дава!

Я тихонько лизнул ему руку, мне ужасно захотелось сказать: «Тузцици». Но стоило мне открыть пасть, как оттуда полилось что-то липкое. Меня стошнило... Позорище.

– Что это с ним? Горная болезнь? – спросил тибетец.

– У собак горной болезни не бывает, его в автобусе укачало. Ты посмотри, какой нос мокрый – знак того, что собаку укачало.

– Если у собаки мокрый нос, это значит, что она здорова, ясно тебе? – возразил низкорослый солдат. – Взгляни на наших: Ламу, Найя и Сэнгэ – у всех носы мокрые.

– Но когда он слишком мокрый, это из-за качки, – настаивал братишка Хуан. – Смотрите на него, даже пузыри носом пускает. Ясно, что ему плохо.

Они все спорили обо мне, а я никак не мог сказать, что думаю сам. Я был согласен с братишкой Хуаном: меня укачало. Ведь я никогда не ездил на автобусе, да еще и так долго, да еще и по серпантину. Мне плохо и опять тошнит, надо держаться.

Тут снаружи раздался пронзительный свист, и старина Сун громко объявил:

– Общий сбор! Братишка Хуан, оставайся здесь и приберись. Остальные – на улицу!

Послышались торопливые шаги, и через мгновение в комнате стихло.

Вот так я и попал на заставу Годунла, так и стал Давой в заснеженных горах.

К сожалению, мое появление обернулось для всех большими хлопотами. От качки в автобусе и горного холода я заболел. Несколько дней я не просто не выходил из дома, но даже не вылезал из конуры. Я лежал в гнездышке, которое смастерил для меня братишка Хуан: в картонную коробку из-под минеральной воды он постелил толстый холщовый мешок. Я лежал внутри и чувствовал себя в безопасности.

Братишка Хуан приходил ко мне каждый день, как только появлялась свободная минутка, и давал мне лекарство. Оно было невкусное – братишка Хуан поил меня, зажимая мне нос. «Недостаток кислорода, – говорил он, – укрепляет иммунитет». Но чаще всего он, конечно, заваривал мне ароматное растворимое молоко. Очень вкусный напиток из его личных запасов.

Другие солдаты тоже время от времени заходили навестить меня и угощали остатками колбасы. Потом появился человек, которого все называли «взводный», и от него тоже пахло собаками. Все относились ко мне хорошо, и я понемногу успокоился.

Вскоре я узнал имя тибетца – его звали Лобу Цыжэнь. Он был близким другом братишки Хуана. Еще я узнал имя низкорослого солдата – его звали Чжоу Цзюньцзе. Низкорослому солдату нравилось издеваться надо мной, он дергал меня за хвост или зажимал морду, и я, завидев его, спешил скрыться. Я научился различать командиров первого и второго отделения, хотя одеты они были совершенно одинаково.

Но больше всех я любил братишку Хуана.

Братишка Хуан не был красавцем. Ростом пониже взводного, он не мог похвастаться ни выдающимся носом, как у командира первого отделения, ни большими глазами, как у старины Суна, но когда он улыбался – не то что старина Сун, который всегда ходил с мрачным лицом, – его прищуренные веки походили на два бобовых стручка, а говорил он на чунцинском диалекте. Но главное – именно он и принес меня на заставу.

Окруженный заботой братишки Хуана, я быстро поправился. Однажды утром я проснулся и почувствовал прилив сил – от недомогания не осталось и следа. Когда на улице раздался пронзительный свист, я выполз из своей конуры, шлепнулся оземь, но тут же вскочил и выбежал из комнаты вместе с солдатами.

Этот звук был мне отлично знаком. Каждое утро, еще до рассвета, он раздавался снаружи, и все до единого солдаты выпрыгивали из своих постелей, стремглав натягивали форму и выбегали на улицу. Чем они там занимаются, я до сих пор не знал. Но теперь наконец увидел.

Как просторно на улице! Какой свежий воздух! А земля под лапами просто ослепляет своей... белизной? Я вспомнил, как братишка Хуан рассказывал, что в горах идет снег. Значит, эта ослепительно белая штука и есть «снег»? Я родился в Ядуне, но настоящий снег видел впервые.

Я задрал морду и увидел, как высоко под голубыми небесами развевается ярко-красное знамя. Под этим флагом солдаты выстроились в идеально ровную шеренгу. И я заметил, что за спиной у солдат стоят три собаки: одна – черно-рыжая, другая – черно-белая, а третья – темно-коричневая. Они тоже выстроились шеренгой и слушали взводного.

Так значит, здесь все же есть мои сородичи? Неудивительно, что от всех солдат пахнет собаками! Оказывается, я не единственный пес на заставе! Я радостно подбежал поближе, чтобы поздороваться, завилял хвостом и залился счастливым лаем. Кто бы мог подумать, что, завидев меня, они хором зарычат в мою сторону. Собаки гавкали куда громче и грубее меня. Словно так и хотели сказать: «А ну, проваливай! Не мешайся под нашими лапами!»

Я скромно протявкали:

– Эй, друзья, давайте знакомиться!

Но они продолжали лаять, как бешеные, а один пес все порывался броситься на меня, тараша крупные, как у быка, глаза. В ужасе я развернулся и ринулся обратно в дом.

Снаружи раздавался солдатский смех:

– Ха-ха-ха! Даву напугали!

– Ха-ха! Найя решил, что Дава нарушает устав?

Низкорослый солдат особенно развеселился:

– Отлично гавкаешь, Найя!.. Сэнгэ, покажи Даве, где раки зимуют!

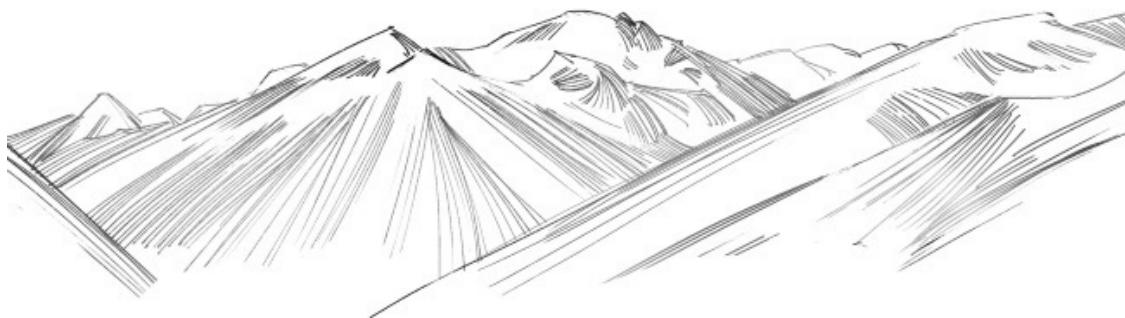
Ну какой же он несносный, честное слово.

Я знал, что по-тибетски «найя» означало «горный баран», а «сэнгэ» – «лев». Но что такое «устав»? И почему Найя с Сэнгэ так меня невзлюбили?

Моя голова разрывалась от множества вопросов, отвечать на которые никто, похоже, не собирался.

Оставалось лишь на какое-то время снова укрыться в своей конуре.

Жизнь на заставе Годунла

После утренней разминки Юэлян окликнул Даву:

– Идем! Покажу тебе нашу заставу!

Щенок тут же вскочил и засеменил за Юэляном, подпрыгивая от радости.

Юэляну все больше нравился его маленький приятель. Конечно, тех крупных собак он тоже любил, но к Даве проникся особенным чувством. Да и сам он, похоже, сразу понравился Даве: щенок бегал за ним неотвязно, как хвостик, словно боялся отстать и заблудиться. Иногда Юэлян смотрел в эти светлые собачьи глаза и ощущал все, что связывало их в прошлой жизни, ведь считал, что судьба послала ему Даву не случайно.

В детстве он просил родителей подарить ему собаку, на что мать отвечала:

– Я с одним тобой еле справляюсь, куда нам еще собаку!

А отчим заявил:

– Вот поступишь в среднюю школу, сможешь ухаживать за щенком, тогда и заведем.

Но потом появилась сестренка, на плечи матери легло воспитание двух детей. Забот стало больше, сил меньше, данное когда-то обещание всеми забылось, да Юэлян и не напоминал. И вот в этом году он приехал на заставу и обнаружил целых трех собак. Счастью его не было предела – он проводил с ними каждую свободную минуту.

Все три дозорные собаки оказались очень мирными, верными и старательными. Большую часть дня они лениво валялись на солнышке, но как только темнело, исправно занимали свои места на посту. Найя охранял ворота: стоило ему услышать даже шорох, как он стремглав бросался выяснять, где источник звука. Конечно, на заставе редко что-то нарушало тишину: бывало, пробежит полевая мышь, а то и баран пройдет – настоящий горный баран! Но едва появлялся кто-то не из местных солдат, Найя тут же его прогонял.

Сэнгэ был крупным псом и охранял очень важный объект – склад с оружием и снаряжением. На своем посту он не просто лежал у входа, а время от времени обходил все здание по периметру, прямо как дозорный, и не позволял приближаться незнакомцам: ни людям, ни диким зверям. Однажды на заставу приехал репортер, и солдаты решили устроить Сэнгэ проверку: отправили одетого в гражданское гостя ко входу на склад. Сэнгэ вскочил и злобно зарычал на репортера, предупреждая: ближе подходить не стоит. Все сошлись во мнении, что свои обязанности он исполнил на отлично. Худенькая Ламу охраняла амбар с продуктами. Амбар по важности не уступал складу: там хранились бесценные для солдат зерно и овощи.

Когда появился Дава, он поглотил все внимание Юэляна. Юноша просто обожал этого щенка, а когда смотрел в эти ясные, немного печальные собачьи глаза, сердце его таяло. Незменным в нем оставалось лишь одно желание – заботиться о Даве как можно лучше. В первые дни Дава был измучен болезнью, и Юэлян переживал так, что решил было пустить его к себе на кровать, но старина Сун отрезал:

– Не пойдет! Устав есть устав.

Лобу Цыжэнь согласился:

– Собак на койку пускать нельзя! Это негигиенично. Ты же помнишь, о чем вчера утром говорил Чжоу Цзюньцзе? А он так и сказал: «У-у-у, скоро все наши матрасы превратятся в подстилки из собачьей шерсти!»

Юэлян вспылел:

– Что за чушь?! Да тут ни одной шерстинки! Я постоянно проверяю! Он просто придирается...

Конечно, Юэлян понимал, как важно содержать свои вещи в чистоте. Каждое утро, едва вскочив с коек, солдаты немедленно принимались за дело первостепенной важности: приводили в порядок свои вещи. Они застилали свои койки одеялами, выравнивая постели под идеально прямыми, как у стола, углами; развешивали шеренгами полотенца, расставляли строем стаканы и тазики для умывания. Взводный говорил, что так формируется привычка, которая станет нормой на всю жизнь. Каждую неделю результаты двух отделений сравнивали, и Юэлян понимал, как важно не испортить репутацию из-за Давы. К счастью, щенок оказался очень послушным: исправно ждал там, где велено, и не озорничал.

Застава Годунла была небольшой: с полкилометра в диаметре. Все постройки на ее территории представлял ряд домишек из цементных блоков, непременно с жестяными крышами. В горах дул сильный ветер, а черепица его не выдерживала, поэтому крыши устилали тяжелыми жестяными листами и придавливали сверху булыжниками. Да и когда выходило солнце, железо отлично поглощало жар.

Ряд строений состоял из семи домов. В двух располагались солдатские казармы, в третьем – кухня, а дальше тянулись амбар для провизии, гараж с инструментами и склад с боеприпасами, а также квартира взводного, которая заодно служила солдатам комнатой отдыха. Кровать командира стояла в углу, отгороженная книжным шкафом, а в оставшейся части домика можно было смотреть телевизор, читать, играть в карты или шашки.

Перед домиками размещалась маленькая площадка с брусьями, турниками и забором из бетонных столбов. Обычно Хуан Юэлян и остальные проводили на ней общий сбор и занимались физкультурой. От забора вниз тянулся заснеженный склон: он простирался до самого подножия горы – так далеко, что не хватало глаз.

Юэлян встал у забора и показал Даве вниз:

– Смотри не скатись! Если покатишься, мы тебя не найдем.

Дава, казалось, все понял: он завилял хвостом и отступил на два шага назад. До чего же смышленная собака!

Небольшое пространство на откосе за домиками отвели под высокую поленницу, крытую черным рубероидом. Слева стоял квадратный бетонный домик, и когда наступала ночь, оттуда доносилось гремяние – это работал генератор. Застава находилась на большой высоте, в безлюдных горах. Никакие провода туда не дотягивались, и электричество приходилось добывать своими силами.

От генераторной до самой вершины горы уводили ступени. Там-то и находился наблюдательный пункт, где Юэлян с остальными поочередно дежурили на посту.

– Ты пока по этой лестнице не ходи. Вот вырастешь, тогда свожу тебя наверх!

Рядом с дровами виднелась палатка из пластиковой пленки. Юэлян подошел поближе и замешкался:

– А про это... я тебе потом расскажу. Пока не готов, понимаешь?

Дава не понимал, но все же задрал лапу и помочился на стенку палатки, оставляя знак: он здесь был.

Юэлян рассмеялся:

– Ах ты, дурачок! Каждый клочок земли пометить надо?

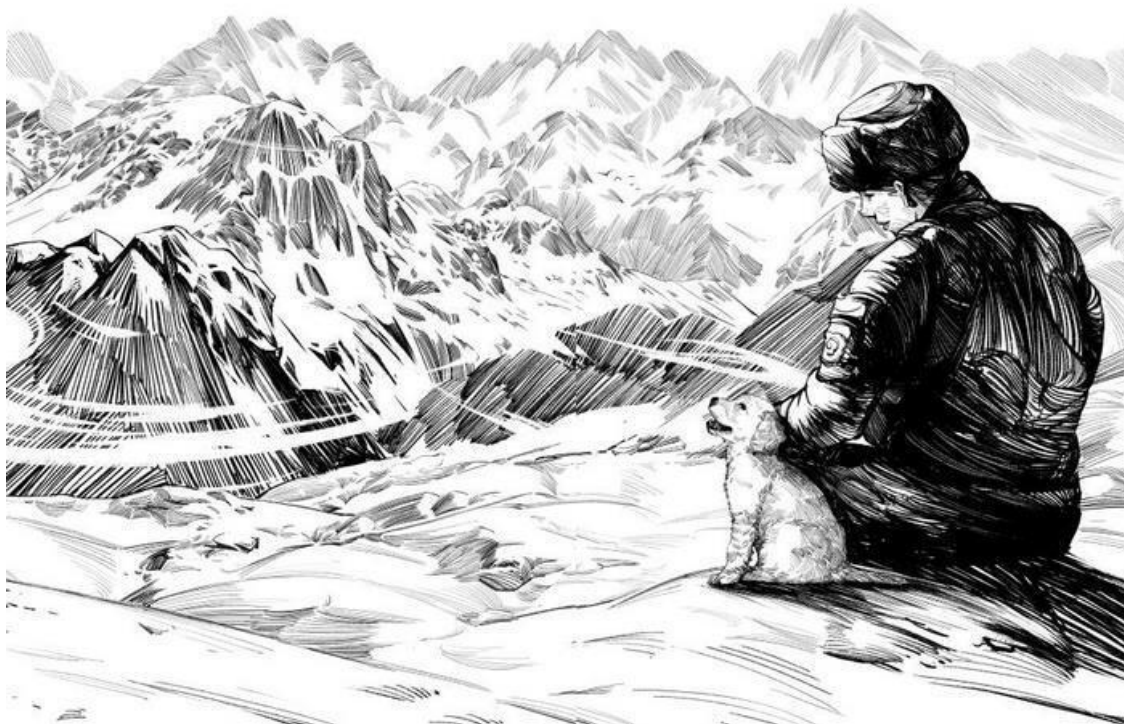
Они вернулись обратно ко входу в домики. Направо к воротам вела дорожка из гравия. Правда, от ворот осталось одно название: простой деревянный косяк и никаких стенок по сторонам, только два ряда низенькой изгороди из стальных труб. В этих горах, где не росло ни единого деревца, стен и правда не требовалось: с трех сторон света заставу окружал обрыв. Над воротами развевался пятизвездный красный флаг, а сразу за ними и начинался склон. Перед воротами высилась гранитная стела с красной гравировкой: «Застава Годунла».

Экскурсия по заставе заняла всего десять минут. Юэлян уселся рядом с турником, похлопал рядом с собой ладонью, и Дава тут же пристроился сбоку.

– Сюда я каждый день прихожу поблуждать в своих мыслях, – сообщил он Даве.

Во время такого блуждания Юэлян не любил смотреть вниз – ему нравилось смотреть перед собой. Вдаль, пик за пиком, тянулись гряды заснеженных гор, они стояли плечом к плечу, держались за руки, как братья-солдаты с пограничной заставы.

Юэлян не знал, видел ли отец те же горы, что видит сейчас он. Хотя в письмах тот часто упоминал о горах: писал о горных облаках, о горном снеге и рододендронах.

Как-то раз, вскоре после приезда на заставу, Юэлян услышал, как Чжоу Цзюньцзе спрашивает у взводного:

– Зачем мы кукуем в этих горах, в полном одиночестве? Враг сюда носа не кажет!

Признаться, Юэляна тоже волновал этот вопрос, и он с любопытством ждал, что ответит взводный. Ответ был коротким и ясным:

– Исторически на тибетской границе все очень неоднозначно. Тут постоянно происходят конфликты и стычки. Пока наш дозор стоит здесь, как столб, никто не осмелится перейти границу, и наша родина сохранит каждый клочок земли.

Судя по лицу, Чжоу все еще колебался: командир не убедил его до конца. Стоявший рядом Юэлян вмешался в разговор:

– Ядун с давних времен считается стратегически важным пунктом, ясно тебе? На заставе мы охраняем вершину, чтобы с высоты контролировать любой шаг врага, понял?

Чжоу Цзюньцзе скривил губы:

– Только не надо строить из себя всезнайку!

Но Юэлян уже и думать забыл о Чжоу. Слова взводного запали ему в душу. Он размышлял: «Если представить, что застава – это пограничный столб, то я лишь песчинка в его растворе, ну или хотя бы пригоршня цемента». От таких мыслей Юэлян даже загордился собой: не каждому дано стать частью пограничного столба! А отец вот смог, и Юэлян тоже.

В одном из писем отец вспоминал, как десятки лет назад, когда руководство решило основать здесь наблюдательный пункт, вражеская армия всячески мешала строительству. Да еще и метель бушевала – в общем, условия адские, но освободительная армия справилась и все-таки возвела на этом месте заставу. На любой географической карте прекрасно видно: это место настолько важно для обзора, что без заставы не обойтись никак.

Пока Юэлян блуждал в своих мыслях, к нему подошел взводный. Юэлян вскочил.

– О чем задумался, Юэлян? – поинтересовался он.

– Да так, ни о чем, – смутился тот.

– Я показал обе твои статьи своему однокашнику, он редактором работает. Говорит, пишешь ты неплохо, но сюжет бедноват: слишком мало событий...

Юэлян приуныл. Он и сам считал, что написано весьма недурно. Сочинять тексты он любил и в отряде связистов регулярно участвовал в подготовке стенгазеты, которую оформляли на меловой доске.

– Но ведь именно так нам здесь и живется, – вздохнул он. – Каждый день одно и то же, как под копирку...

Взводный улыбнулся:

– А ты напиши про Даву.

Юэлян вздрогнул. Уж не намекает ли взводный на его чрезмерное увлечение собакой?

– Честное слово, Дава никак не влияет на качество моей службы.

– Да я серьезно. Если уж взялся писать, пиши о том, что тебе интересно!

Взводный приехал на третий день с появления Давы на заставе. Он сразу заметил, как часто в разговорах солдат выплывает этот новый «на-хлебничек». Юэлян рассказал, как все произошло, и взводный решил:

– Раз уж привез, отвечай теперь за него. Но так, чтобы твои дежурства и тренировки не пострадали!

– Слушаюсь! – воскликнул Юэлян.

Взводный собирался задержаться на праздники дома подольше, но все же вернулся раньше, чем планировал. Взвод был счастлив, а Юэлян – особенно. Все два месяца, пока командир навещал семью, юноша ждал его с нетерпением. Почему-то рядом со взводным Юэлян всегда чувствовал себя уверенно, хотя тот был совсем немного старше. Взводный был капитаном всей заставы, главой их большой солдатской семьи. По прибытии он сообщил, что побоялся снегопадов с перекрытием дорог и потому решил вернуться раньше срока.

– Ну и какого черта? – возмутился старина Сун. – Оставался бы дома, заботился о своих стариках! Ты что, нам не доверяешь?

Взводный стусевался:

– Конечно, доверяю. Просто я очень по всем вам скучал. Сидеть дома не хотелось. Как только выбирался куда-нибудь или набивал пузо чем-нибудь вкусеньким, тут же вспоминал о вас – и всякое настроение пропадало! Однажды пошел с однокашниками в караоке, так один мой приятель запел «Возвращаюсь в Лхасу». Услыхал я первую строчку – и ну хлюпать носом да обливаться слезами! Ребята просто рты пораскрывали...

Юэлян заметил, как у взводного дрогнул голос. Старина Сун молча похлопал командира по плечу.

«Интересно, – задумался Юэлян, – неужели и я, когда уеду с заставы, буду тосковать по ней точно так же?» Старина Сун рассказывал, что каждый год на проводах «стариков» в отставку все дружно рыдают в голос. Юэлян не представлял себя плачущим. С самого детства он вообще плакал редко, возможно, из-за того, что никто не собирался его утешать.

Взводный переменял тему:

– Ребята, в этот раз я столько всего привез: и вкусного, и веселого, и интересного! Надеюсь, зимой грустить не придется! Еще и матушка дала с собой гору колбасы да солонины домашнего копчения! Ах да, еще я купил небольшой принтер для фотографий... Ну знаете, такой, для моментальной печати. Я тут кое-что придумал, ни за что не догадаетесь! Через пару дней расскажу! – и взводный хитро прищурился.

Юэлян не понимал, зачем вдруг понадобилось печатать фотографии. На все время снегопадов дороги перекрывают и почта не работает. Разве отец в свои годы не ждал всю зиму до самой весны, чтобы наконец отправить им с матерью письмо?

Взводный был терпеливым, с каждым из солдат обходился приветливо. За те месяцы, что Юэлян провел на заставе, он не получил ни единого выговора. И даже в ответ на выходки Чжоу Цзюньцзе, который постоянно нес всякую чушь и даже не думал исправляться, взводный лишь озабоченно хмурил брови. Огорчать или подводить такого командира хотелось меньше всего на свете.

Технически заставка Годунла относилась к Ядуну, но здесь, в отличие от отряда связистов в уездном городе, обстановка была куда суровее: нехватка кислорода, мороз, одиночество. Городским солдатам тоже не разрешалось постоянно сидеть в интернете, но по выходным они все-таки получали шанс порадовать себя: посмотреть, что опубликовали друзья, зарубиться в игры.

А тем, кто служил на заставе Годунла, не то что для выхода в интернет, но даже для телефонного звонка приходилось спускаться вниз и ловить связь. Юэлян понимал: его отец жил в тех же самых условиях, с той лишь разницей, что его поколение не пользовалось интернетом, а Юэлян родился в 90-е годы и вырос с постоянным доступом ко Всемирной сети. Для него и его ровесников жизнь без интернета приравнивалась к изоляции от всего человечества. Что, собственно, и мешало ему освоиться на заставе окончательно.

Однажды он возился с телефоном, бормоча:

– В горах даже кирпич полезнее этой штуковины!

А Лобу Цыжэнь утешал его:

– Поговаривают, в будущем году сюда проведут интернет, у всех будет связь!

– Да зачем он вам сдался, этот интернет?! – притворно скривился Чжоу. – Здесь же и так все прекрасно! Хочешь куда-то добраться – топай ногами, с кем-то связаться – кричи погромче, согреться – дрожи посильнее, защититься – зови собак. Мне нравится!

Сжимая телефон, Юэлян развернулся и вышел: уж больно неохота было слушать бесконечное нытье Чжоу. От его жалоб на жизнь у окружающих моментально портилось настроение.

Кого Юэлян любил послушать, так это рассудительного взводного. Странное дело – в школе поучения учителей его раздражали, а здесь он с удовольствием внимал командирским мудростям. На самом деле, ничего особенного тот не говорил: «Солдат горной заставы должен контролировать свои желания». Или: «Юноша станет настоящим мужчиной, только если научится управлять своими эмоциями, обуздывать свои страсти».

А однажды взводный с улыбкой сообщил Юэляну:

– Если честно, я повторяю это и тебе, и себе... Всем кажется, будто я привык к здешней жизни? Черта с два! В первый месяц мне все так осточертело, что хотелось выть... Но, пораз-

мыслив, я понял: этот год на заставе должен стать для меня испытанием на пути к лучшему себе.

Юэлян удивился: значит, и взводный терзается здесь одиночеством ничуть не меньше нашего, и ему так же непросто справиться с самим собой. От этой мысли Юэляну полегчало: выходит, сложно освоиться здесь не только ему одному? Ну а затем он постепенно привык и к одиночеству, и к отсутствию интернета, и к тому, что изо дня в день перед глазами все тот же пейзаж и все те же лица. Его внутренний голос твердил: «Ты сам попросился служить на этой заставе. Так уж неси эту ношу с достоинством».

Но вскоре его одолела новая тревога. Изо дня в день он дежурил на посту, тренировался, учился, ел и спал. Жизнь текла однообразно. Вокруг было беззвучно, как на луне, а дымом войны не веяло и в помине. В чем же смысл такого существования? Неужели когда-то в точности так жил и его отец?

Взводный утверждал, что жертва тибетского пограничника и состоит именно в такой вот рутинной службе. Что на алтарь этой службы он кладет свои молодость и здоровье. Но Юэляна это не успокаивало. Не для того он взвалил на себя бремя солдатской службы и навлек на свою голову материнский гнев, чтобы вести здесь настолько пресное существование. Он недоумевал, как отец мог так горячо любить подобную жизнь?

Лобу Цыжэнь, напротив, не жаловался никогда. Он держался так, словно видел перед собой цель, и жилось ему будто бы даже интересно. Юэлян спросил:

– Тебе что, не бывает одиноко?

– А что такое одиночество? – спросил Лобу Цыжэнь.

– У тебя, наверное, есть, за что бороться, и поэтому ты чувствуешь, что все не зря, – предположил Юэлян.

Лобу Цыжэнь загадочно улыбнулся:

– Конечно, есть.

– И что же это? Я у тебя позаимствую.

– Боюсь, ты не поймешь...

Но Юэлян не отставал, и парню пришлось признаться.

Оказалось, у него была девушка по имени Дролма – его подруга детства. Дролма поддержала его в решении пойти в армию, она говорила, что уважает цзиньчжумами. Когда Цыжэнь уезжал, Дролма попросила в день увольнения прислать ей сувенир: какое-нибудь свидетельство того, что он нес дозор, защищая родину. Он даже не представлял, что за вещь это может быть. Но однажды во время дозора он оказался с сослуживцами на месте бывших боев. Старшие начали рассказывать о боевых действиях, которые здесь происходили, Цыжэнь воодушевился и подобрал с земли на память круглый камень. В тот момент у него появилась идея: с любого задания он приносил с собой маленький красивый камешек. Да и не только с задания. Просто всякий раз, если случалось что-нибудь необычное, например, на заставе появился телевизор, или посадили деревья, или он заменял на посту заболевшего сослуживца, Лобу Цыжэнь подбирал с земли камешек. У каждого камешка была своя история. Сейчас у него накопилось уже больше двадцати штук. Он хотел собрать побольше камней «с историей» и после увольнения сходить к ювелиру, просверлить в них дырочки, нанизать на нитку и отправить Дролме.

Юэлян восторженно похлопал товарища по плечу:

– Отличная идея! Очень воодушевляет!

Но повторить подобную затею он все-таки не мог. Девушка, в которую он был тайно влюблен, ни за что в жизни не пожелала бы получить такой подарок, ведь она даже не подозревала, что нравится Юэляну. Так что ему предстояло придумать нечто иное. Конечно, глубоко в душе Юэлян знал свою цель, иначе бы не посмел ослушаться матери и стать тибетским солдатом. Об этой цели он никому не рассказывал, и, когда Цыжэнь спросил, промямлил что-то невнятное. Он боялся, что к нему тут же станут относиться иначе.

Юэлян достал из кармана губную гармошку и заиграл «Тополек». Дава, сложив морду на лапы, слушал блаженно и упоенно.

На заставе тополек
Корнем в землю врос.
Мощный ствол на страже
Северных краев...

На втором куплете Юэлян запыхался и остановился.

– Высота слишком большая – воздуха не хватает, – смущенно объяснил он Даве.

Знакомство со старшими

Пес, живущий в заснеженных горах, должен ориентироваться на местности с закрытыми глазами. Куда можно, куда нельзя, где опасно, где может найтись еда... И все это необходимо запоминать. Я, хоть и был совсем маленьким, инстинктивно это осознал.

Братишка Хуан снова и снова повторял мне, что на заставе не бегают где попало. Дорожки здесь узкие и скользкие, очень опасно, оступишься – полетишь вниз. И показывал на домики:

– Тебе можно играть только здесь или рядом, далеко не убегай! Ты еще маленький! Заберешься в глухомань да провалишься в яму – где мне тебя искать? И всегда все запоминай!

О да, я запоминал и потихоньку метил все важные объекты: оставлял для себя знаки, чтобы позже считывать, где безопаснее. Я постоянно напоминал себе: смотри в оба! Иначе потеряешься моментально!

Мое появление прибавило братишке Хуану не только хлопот, но и радости. Я видел, что он рад моему присутствию: при виде меня уголки его губ поднимались вверх. В свободную минутку он приходил со мной поболтать и рассказывал мне уйму своих секретов, даже те, что скрывал от Цыжэня. В особой папке для документов братишка Хуан хранил стопку писем от его отца. Он повторял, что письма эти – большой секрет, хотя в чем именно их секретность, было для меня загадкой.

Иногда он читал эти письма вслух, например:

Дитя мое!

В эту самую минуту твой папа рисует тебя в своем воображении. Я смотрю в окно: вокруг меня – снежные горы, вершины из сверкающего, кристально-прозрачного льда. Очень красиво. Над ледяными хребтами – голубое небо, такое ослепительное, что темнеет в глазах. Иногда его застилают облака. Кажется, протяни руку – и дотронешься до этих белых туманных призраков, то парящих над головой, то стелющихся под ногами. Недаром наш отряд называют «Седлающими облака».

Когда поднимается ветер, облака рассеиваются и утекают прочь, вытягиваясь тонкими лентами, похожими иногда на вереницы белоснежных овец или лошадей, а иногда – на стайки фей в развевающихся платьях. Будь ты одним из тех облаков, дитя мое, тебе удалось бы увидеть наш лагерь. Он совсем невелик, но прочно и надежно, как крюк альпиниста, закреплен на снежной вершине. Этот крюк вбит точно в линию границы, он припаян к ней намертво, и пока мы здесь – рубежи нашей родины защищены.

Приезжай сюда, когда вырастешь. Когда ты помотришь на эти просторы, твой мир уже никогда не будет прежним...

Я слушал его прилежно, хотя почти не понимал, о чем речь. Ведь хорошие друзья должны уметь слушать, не правда ли?

Кроме чтения писем, он развлекал меня рассказами о том, что делал сегодня, чем озабочен. Как он обрадовался похвале взводного, или как старина Сун опять на кого-то наорал – чтобы понять, какой у старины Суна скверный характер, мне хватило всего пары дней. А еще он повторял:

– Вырастешь, окрепнешь – возьму тебя с собой в дозор!

Дозор? Это еще что? Впрочем, с таким, как он, я пойду куда угодно. Мне нравилось быть его компаньоном.

Сегодня братишка Хуан повел меня знакомиться со старшими. В душе я боялся, но все-таки резво потрусил к ним «на поклон». Рано или поздно все равно познакомимся, так чего же откладывать?

Братишка Хуан закричал:

– Ламу, Сэнгэ, Найя, ко мне!

Три собаки лежали у ворот и грелись на солнышке. Повиновались они безупречно: тут же вскочили и подбежали к нему.

Братишка Хуан присел на корточки, подтолкнул меня к собакам и объявил им:

– Это Дава! Ваш новый приятель. Теперь он тоже будет жить здесь, на заставе. Так что дружите с ним и не обижайте друг друга!

Собаки не очень приветливо зарычали в ответ.

– Эй! – нахмурился братишка Хуан. – Так нельзя, он свой! Давайте жить дружно. Лежать!

Он указал на черно-белую собаку:

– Знакомься, Дава. Это Ламу, что значит «фея». Она единственная дама на нашей заставе, так что обходись с ней галантно.

Я завилял хвостом:

– Привет, сестрица Ламу!

Ламу была красавицей: от носа до хвоста ее покрывала черно-белая шерсть, а по бокам головы до самой шеи, точно девичьи локоны до плеч, свисали мягкие длинные уши. Она смотрела на меня сверху вниз, а мне, чтобы видеть ее, приходилось задирать голову. Ее большие глаза цвета крепкого чая глядели ласково, и я успокоился.

Затем братишка Хуан указал на черно-рыжего пса:

– А это Найя. Это значит «горный баран». Молниеносный, как стрела. Будет тебе старшим братом!

И я опять завилял хвостом:

– Привет, братец Найя!

Найя смерил меня надменным взглядом. Сам он, конечно, смотрелся очень мужественно: все его тело – и шея, и грудь, от лап до стоячих ушей – было рыжим, и только спина – черная, как если бы он набросил на себя плащ. Еще у него были длиннющие задние лапы: мощные, мускулистые, и правда, как у баранов, скачущих по горам. Я замер от восхищения.

Наконец братишка Хуан указал мне на темно-коричневого:

– Ну а теперь разреши представить: перед тобой – сам почтенный Сэнгэ! «Сэнгэ» означает «лев». Он ваш вожак, понятно? Этот господин служит здесь куда дольше меня, так что я и сам при встрече с ним отдаю честь!

О вожаке братишка Хуан говорил с особым уважением. Перед Сэнгэ я завилял хвостом еще энергичнее, давая понять, что готов выполнять его указания.

– О, почтенный Сэнгэ! Я буду послушен тебе!

Из всей троицы Сэнгэ был самым большим и крепким. И как по мне, был похож скорее на бычка. Глаза круглые, как у теленка; широченный нос с гигантскими ноздрями похож на гору, пронизанную двумя тоннелями. Спина такая широкая, что хоть спи на ней, как на кровати. Но уж темпераментом Сэнгэ и правда походил на грозного льва. Клыки торчали в разные стороны, и стало особенно жутко, когда он клацнул ими, демонстрируя свою свирепость. Да, у нас, собак, зубы действительно растут как попало. Не зря же китайцы говорят: «У бурной речки берега петляют, точно собачьи клыки».

А Сэнгэ все смотрел на меня, тяжело и сурово, как бывалый вояка на новобранца.

Тишина затягивалась.

Первой растопила лед Ламу и завилыла хвостом мне в ответ. Ее хвостик был изящен, как веер. Вслед за ней закачал хвостом и Найя, будто размахивал вправо-влево короткой, но крепкой дубинкой. Уже совсем не так приветливо, как Ламу, но все же вполне по-дружески. И только Сэнгэ оставался неколебим, как скала: хвост недвижим, а выпученные глаза буравят меня насквозь.

И тогда я протягивал ему:

– Не стоит меня недооценивать! Я пока еще маленький, но когда вырасту, еще всем покажу! Мама говорила, что я не простой щенок!

Сэнгэ, презрительно пощелкивая кривыми клыками, описал вокруг меня пару кругов. «Ладно, ладно», – бормотал я про себя. Ты старше, значит ты круче. Не хочешь вилять хвостом мне в ответ – не надо. Главное, не рычи...

Братишка Хуан потрепал меня по голове:

– Ничего! Скоро привыкнешься... Старые вояки все такие!

И рассказал мне историю каждого из моей новой собачьей семьи.

Первым из их троицы на заставу попал Сэнгэ: его привезло начальство. Его отцом был пес гарнизонного штаба – чистокровный красавец из немецких спаниелей, а матью – тибетский мастиф из деревни неподалеку. Всего у них родилось три щенка. К тому времени на заставе померла от старости собака по кличке Аху. Без нее солдаты стали чувствовать себя неудобно: при каждом сборе на плацу словно кого-то недоставало...

Узнав об этом, командир полка во время очередной проверки привез на заставу самого крепенького из трех щенков. Сэнгэ тогда исполнился ровно год, но выглядел он весьма устрашающе, за что и получил кличку «лев».

С тех далеких дней Сэнгэ уже проводил в запас целых два поколения бойцов, и братишка Хуан почтительно называл его «ветераном». Да, этому страшилищу удалось заполнить собой пустоту, образовавшуюся после смерти Аху. Благодаря мощной туше и сообразительности Сэнгэ быстро стал всеобщим любимцем.

Кто бы мог подумать, что всего через год заставка обретет еще пару новых питомцев? Сперва бывший командир отделения с солдатами наткнулись в дозоре на Найю. Тот был мелкий, тощий и грязный с лап до головы. Завидев в лесу военных, которые сели подкрепиться сухим пайком, он осторожно подошел поближе и устремил на них полный надежды взгляд. Командир пожалел голодного пса и протянул ему половинку сосиски. Проглотив ее, пес сразу увязался за командиром и не отставал от них до самой заставы.

Тогда солдаты решили:

– Ладно! Зачислим его в нашу часть – будет у Сэнгэ товарищ.

Но пришелец улегся за воротами заставы и ближе подходить не собирался. Он вел себя очень бдительно: только окликнешь – тут же отбежал подальше. И лишь через несколько дней, убедившись, что людям в зеленой форме можно доверять, сам зашел на территорию заставы. Сэнгэ покружил вокруг новичка, принялся и ткнул его носом в нос, принимая в сожители.

Третьей появилась Ламу. Нашел ее тогдашний командир первого отделения во время поездки в штаб по рабочим вопросам. Он довез собаку до штабной санчасти, где ей наложили повязку на пораненную лапу: кровотечение никак не прекращалось. Сперва он хотел оставить бедолагу в штабе, но та, увидев, что ее спаситель уходит, тут же поползла за ним, и рана снова открылась. Было решено забрать ее, еще совсем крошку, на заставу. Всего за полгода она превратилась в настоящую красавицу, поэтому командир и дал ей тибетское имя Ламу – «фея».

Теперь, узнав истории своих старших, я чувствовал себя уверенней. Оказалось, все они были приемными: никто не жил на заставе с рождения, всех «зачислили» извне. Но, условно, они появились здесь раньше меня, и уже потому считались «старшими». Что же, буду относиться к ним с уважением, а там, глядишь, и подружусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.